

Влад Озер

ВДВ. ШТАБ ДИВИЗИИ

санитарно-эпидемиологическая служба

Влад Озер

**ВДВ. Штаб дивизии. Санитарно-
эпидемиологическая служба**

«Издательские решения»

Озер В.

ВДВ. Штаб дивизии. Санитарно-эпидемиологическая служба /
В. Озер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936661-0

Книга будет интересна для всех, кто служил и служит в армии. В первую очередь ее с интересом прочтут ветераны 98-й ВДД. Полезный материал из нее почерпнут врачи санитарно-эпидемиологической службы, и слушатели военно-медицинских факультетов.

ISBN 978-5-44-936661-0

© Озер В.
© Издательские решения

Содержание

СЭЛ	6
Санитарно-эпидемиологическая лаборатория	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

ВДВ. Штаб дивизии Санитарно-эпидемиологическая служба

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4493-6661-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЭЛ

Санитарно-эпидемиологическая лаборатория

Итак, я переступил черту. Прошел ровно год и ушел с полкового звена, как по мановению волшебной палочки превратился из врача, занимающегося лечебным делом, во врача профилактики, то есть в того медицинского работника, который занимается вопросами по недопущению массовых заболеваний среди личного состава частей соединения, в огромных коллективах. Для этой работы, задолго до моего появления на этот свет, были созданы специальные подразделения в составе медицинских батальонов дивизий. Назывались они СЭВ. Санитарно-эпидемиологические взвода.

И благодаря наличию в батальонах этих взводов, сами батальоны назывались медсанбаты, т.е. медико – санитарные батальоны. До сих пор в гуще военных (и гражданских лиц) можно услышать слово медсанбат. Это, режущее слух слово, говорит о непроходимой тупости того, кто его произносит, но снова, незадолго до моего прибытия в войска, этот взвод вывели из состава медицинских батальонов и ввели в штат управления дивизий. После этого медсанбаты, переименовали просто в медбаты (медицинские батальоны).

А аббревиатуру СЭВ, заменили на СЭЛ, что стало означать, санитарно-эпидемиологическая лаборатория. И пока СЭВ, был в составе медсанбата, в штабе дивизии находился одинокий главврач дивизии. Старший врач дивизии, или НАЧМЕД дивизии. То есть называть его официально и в просторечии могли по разному, но правильнее всего, все таки, начальник медицинской службы дивизии, сокращенно – начмед. И вот теперь ему в непосредственное подчинение передали эту лабораторию. А начальник СЭЛ, автоматически и реально по штату стал его заместителем.

Лично моя новая должность звучала, как старший врач – специалист СЭЛ. По штату таких специалистов было в лаборатории двое, чуть позже расширили до трех. Из среднего медицинского персонала в состав подразделения входили лаборанты и водитель санитарного автомобиля. Непосредственно в нашей дивизии схема этой службы была такова. Медбат, как я уже ранее упоминал, дислоцировался в самом центре города, в пятидесяти метрах от штаба дивизии. СЭЛ, как и до того СЭВ, размещалась в поликлинике медбата. От перемены мест слагаемых ничего практически не изменилось. Объем работы в лаборатории от переименований и передачи из медбата в штаб, естественно, абсолютно не изменился. Просто если раньше лаборанты получали свою заработную плату в пяти шагах от места работы, теперь вынуждены были ходить за сто метров. Лично мне в старых условиях побывать не пришлось, поэтому я вообще никакой разницы не ощутил.

Мой новый начальник капитан Гревцев, в индивидуальной беседе сразу мне объяснил, что врача – профилактика, как и волка, в прямом и переносном смысле, ноги кормят. Ходить, бегать и ездить, (и даже летать в самолетах), нужно на этой работе много. Здесь особо в кабинетах не засидишься, как я сообщал ранее, наша дивизия дислоцировалась в трех точках (местах, гарнизонах). Болград, Кишинев и Веселый Кут. Если по Болградскому гарнизону нужно и можно было передвигаться, в основном, на своих двоих, то в отдаленные части, соответствующим транспортом.

Задачи СЭЛ:

– санитарно-эпидемиологическая разведка и наблюдение за санитарно-эпидемиологическим состоянием частей дивизии и районов размещения;

- анализ общей и инфекционной заболеваемости личного состава, разработка на его основе предложений по проведению мероприятий, направленных на снижение заболеваемости в частях дивизии, сохранение и укрепление здоровья личного состава, повышение его работоспособности и боеспособности;
- санитарный надзор за условиями труда и правил размещения, питания, водоснабжения и банно-прачечного обслуживания;
- организация мероприятий по предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний в частях дивизии;
- проведение санитарно-гигиенических, токсикологических и бактериологических исследований в установленном объеме;
- оказание методической и практической помощи медицинской службе, частей по проведению санитарного надзора и противоэпидемических мероприятий;
- разработка учебно-методических материалов и организация занятий в системе, военно-медицинской подготовки и санитарного просвещения в частях дивизии.

Вот такой объем работы теперь предстояло выполнять мне со своими новоиспеченными коллегами. Новый коллектив был небольшой и не доукомплектованный. Вторым после начальника СЭЛ в наличии был капитан Парасевич. Из местных, но не коренных. Он был однокурсником Гревцева и уже успел пару лет прослужить в Кировабаде, то есть Гянже, по-нынешнему. Лаборантка была одна на все руки, Надежда Степановна. Она начала работать в этой лаборатории еще за десять лет до моего появления на свет. И свою работу знала так, что таким как я «спецам», нужно было еще учиться и учиться.

При всей кажущейся нагрузке-загрузке я, как белый человек, начал приходить домой в девятнадцать-двадцать часов вечера, что тут же отметили бездельничавшие жены офицеров, соседки по дому и подъезду. Они раньше вообще не видели, когда я уходил и возвращался. Особенно те, чьи мужья по – прежнему продолжали служить в линейных частях, но чтобы я не оказался совсем ни к чему не привязанным, мои старшие «братья» по ВУЗу, видимо, переговорив между собой, определили, чтобы я два- три раза в месяц ходил дежурным врачом по приемному отделению медбата.

Мне они это объяснили тем, что в армии не может такого быть, чтобы младший офицер не имел хоть небольшого количества суточных нарядов, это раз, а во вторых, чтобы я не отрывался на совсем от медицины лечебной. Возражать чего либо не имел еще права. Мне еще предстояло пройти специализацию по своему профилю. А без нее я, якобы, имел полное право взбрыкнуть, и отказаться от нынешней должности. Со следующего месяца я уже состоял в графике дежурств.

ВДВ. Подготовка партизан

см. ФОТО: 1.Тот самый плац учебного центра. По сторонам от него казармы. Прямо в конце, столовая.2. Вододром. Вид сверху. 3.Полигон. 4.Подготовка личного состава.

В дивизии существовал свой, довольно мощный учебный центр. Видимо, его, не долго думая, так и назвали по документам «УЦ-Болград». Со своей полигонной командой и всеми атрибутами отдельной воинской части. Естественно, что и мы, СЭЛ, к каждой замочной скважине отмычка, имели на него свое влияние. Причем, влияние довольно огромное. Не знаю, не вникал, не успел узнать, как это происходило в других дивизиях ВДВ. А в нашей, все молодое пополнение, прибывающее два раза в год, весной и осенью, сначала скапливалось здесь, в учебном центре.

Здесь они проходили КМБ, курс молодого бойца. Совершали подготовку и свои первые прыжки. Здесь происходила адаптация к службе. Мы со своей стороны поводили все необходимые для них процедуры. Усиленные медицинские комиссии, прививки, осмотры. В процессе усиления нагрузок на их организмы, тоже идет соответствующий отсев. В общем, для нас, медиков, очень удобный период для работы с молодежью, когда они все в одном месте.

Здесь у нас имеется даже свой, заштатный медпункт. Очень любит его возглавлять капитан Давыдов, врач первого батальона, двести девяносто девятого полка, потому что тут он сам себе хозяин, и никто не какает Сереге на мозги. Солдатики его почитают и побаиваются, потому что он может сильно обидеться, и отказать в необходимом лечении. Или наоборот, вылечить так, что больше до конца службы желание переступить порог медпункта не появится.

К примеру, дрыхнет доктор Давыдкин в физкабинете на кушетке. После бессонной, запойной ночи и игры в бесконечный преферанс. Разомлел, пригрелся, жирные тела даже жесткости топчана не ощущают, жир живота свисает с одной стороны, ягодицы с другой. А тут, как всегда не кстати, несмелый стук в дверь.

– Товарищ капитан...

А в ответ храп.

Товарищ капитан...

– А? Что? Чего тебе «слоник»? – не поворачиваясь, и не разлепляя глаз, спрашивает доктор.

– Товарищ капитан, у меня живот...

– Что живот?

– Живот, очень болит, и понос...

– Давно?

– Три дня.

– Часто?

– Часто, много раз в сутки...

– Тумбочку вон там справа видишь?

– Да.

– Открой ее.

Боец, придерживая одной рукой за расстегнутые кальсоны, второй открывает тумбочку.

– Банку там видишь?

– Вижу.

– Открой ее и отсыпь себе горсть таблеток.

Их туда заранее налущивали из контурных ячеечных упаковок, такие же бессловесные «слоники».

– Отсыпал.

– А теперь засыпь себе в рот и жуй их.

Таблетки, которыми не глядя на солдата, начинает лечить его доктор, называются левомицетин. Кому хоть раз в жизни приходилось их глотать, знают, что они имеют непереносимо горько-кисло-противный вкус. Этот препарат широкого спектра действия и довольно эффективен при лечении кишечных инфекций. Но, положено принимать его по часам, в определенных дозах, не разжевывая, а глотая целиком, обильно запивая водой.

Курс лечения до полуторы недели. Имеет массу противопоказаний. Сильно воздействует на печень. При таком употреблении, как прописывает данный эскулап, может вызвать широкий спектр осложнений, от коллапса до дисбактериоза.

Но эти правила не для доктора Давыдкина писаны.

- Товарищ капитан, я уже не могу...
- Чего ты не можешь?
- Не могу жевать, во рту горит. Дайте чем запить...
- Глотай и беги под кран, там запьешь.

Боец убегает.

Капитан тут же снова засыпает. У солдата, действительно, понос прекращается. При том, до такой степени, что переходит в жесткий запор.

Да, и такие есть в ВДВ врачи. Особенно, когда уже одиннадцатый год лежат на батальоне. И даже не думают о том, чтобы пошевелиться и попытаться изменить образ своей службы. А зачем? И так все хорошо, и до минимальной пенсии совсем немного осталось. А там если Бог не выдаст, а свинья не съест, то можно и до полной выслуги вылежать на кушетках.

Но вернемся к нашим баранам, пардон, к партизанам. Партизанами в советское время называли мужиков призывного возраста, которых призывали повторно, на переподготовку. Почему за ними закрепилось такое прозвание, спросят, возможно те, кто сам не бывал в числе этого контингента. Лично я думаю, что это от того, что их переодевали в военную форму, бывшую в употреблении. И выглядели они в этих разноцветных обносках, действительно, как самые натуральные партизаны в годы Отечественной войны.

Так вот, по всяким там мобилизационным предписаниям и наставлениям, если бы мы улетели всей своей дивизией на захват какого-либо вражеского стратегического объекта, и там остались на всегда, дивизия мгновенно бы возродилась. На прежнем месте дислокации. За счет местного населения, которое мы же должны были и подготовить. Для этого один или два раза в год местных мужиков отрывали от полевых и производственных работ, вытаскивали из винных подвалов и тащили к нам, сюда, в учебный центр.

Здесь их приводили в чувство, проводили очередную медицинскую комиссию. Признавали основную массу годной к службе в десантных войсках. И это совершенно не смотря на то, что срочную службу многие из них проходили кто и где, абсолютно не имея отношения к нашим специфическим войскам. Здесь были бывшие моряки и морпехи, танкисты и мото-стрелки, саперы и пограничники. Только представителей стройбата, вроде не было, а может и были.

А у нас они должны были в течении двух с половиною месяцев стать десантниками. И никаких гвоздей. Время для их призыва, подбирали в промежутках между призывами молодежи. То есть, когда очередной, так называемый «карантин» молодых, уходил по своим частям, им на смену, тут же приходили партизаны. Здесь из них формировали роты и взвода по боевому предназначению. А именно, нужно было в течении этого срока подготовить артиллеристов и водителей, саперов и зенитчиков, связистов и разведчиков, химиков и прочих... Да много всяких профилей нужно в армии. А в этом наборе, где -то кто – то принял решение, кроме всех вышеперечисленных, из местных чабанов и свинопасов подготовить тридцать санитарных инструкторов.

И эта честь, по их подготовке, по решению моего начальства, досталась мне. Приказом командира дивизии меня и мне подобных по другим профилям, на эти два с половиною месяца, прикомандировывают в учебный центр. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Весь набор пятьсот человек. Болгары, гагаузы, молдаване, украинцы, русские и других чуть, чуть. На них, на коренных местных, без смеха не глянешь, и тогда, когда они в гражданской одежде, а в бэушной военной форме, вообще атас.

Которые до тридцати, еще куда ни шло. А которым под сорок, с округлившимися запасными парашютами в виде жировых отложений на животах, ноги кренделями, и все после длительных запоев. Мешки под глазами такие, что можно по барашку с кабанчиком туда положить. Морды одутловатые, пили ведь на днях, и много, потому что в армию забирали. Да еще и сказали, что придется с парашютом прыгать.

Но да ничего, построил, проверил по списку, познакомились. В мой взвод были подобраны более-менее терпимые, будущие «медики». По крайней мере, все с десятью классами. Программы по подготовке не было никакой. Пришлось самостоятельно сочинять ее на ходу. Постарался в первую очередь заинтересовать их тем, что в отличии от саперов, артиллеристов и зенитчиков, я научу их тому, что по крайней мере всегда может пригодиться в повседневной жизни.

Наложить правильно жгут и повязку им никогда не помешает. На том и порешили. Занятия проводились ежедневно с восьми и до тринадцати. Теоретические и практические. А после обеда все сборы одновременно проходили теорию и практическую укладку парашютов. Готовились к совершению прыжков. Я для своего взвода стал заодно и инструктором по изучению и укладке парашютов.

Если на занятия по медицине некоторые смотрели снисходительно и сквозь пальцы, то к делам парашютным все до единого отнеслись очень даже серьезно. Жить – то всем хочется. При этом они в один голос просились, чтобы прыгать только со мною, в одном самолете. А я их всячески заверяю, что именно так и будет.

Первая неделя пролетела как один день. На субботу-воскресенье командование дивизии приняло решение отпускать участников сборов по домам. С условием, что на вечернюю поверку в воскресенье все должны стоять в строю. Да, за мелким исключением, все прибывают. А к утру приползают и все сто процентов. Но в каком состоянии? Основная часть, пьяные в стельку.

Лично мне их состояние по боку. За это несет ответственность вышестоящее начальство и замполиты. Мне главное убедиться, что они усвоили программу, и чтобы совершили три прыжка без травм и без потерь. Утром в понедельник, наших орлов невозможно разбудить. Все дежурные и ответственные орут, стучат по кроватям палками, пинают тела сапогами, таскают их за ноги, но огромное количество партизан не могут продрать глаза, но вот, наконец- то, большая часть вылезла на плац и поддерживая друг друга, заняли место в строю. Остальных, поливая водой из ведер, те что встали, насильно вытягивают на улицу.

– Здравствуйте товарищи! – приветствует этот сброд старший ответственный по лагерному сбору, замполит от двести девяносто девятого полка, капитан Козыро.

– Здр..м жела..м... – еле ворочая в пересохших карасиных ртах, отвечают человека три из полтысячи.

– Здравствуйте товарищи! – еще громче повторяет приветствие капитан. В ответ уже с десятков ртов более – менее членораздельно произносят приветствие в ответ.

– Здравствуйте товарищи резервисты-террористы! – рывкает на весь плац Козыро. Он сам по натуре еще тот приколист-каламбурист.

– Здравия желаем, товарищ капитан! – и сами уже смеются шутке капитана. Толпа уже слегка продрогшая, и в основном, проснувшаяся, отвечает залихватски бодро. А еще они все помнят службу срочную и знают, что капитан может повторять приветствие до бесконечности, пока они не ответят так, как ему хочется слышать в ответ.

Далее следует поворот стада направо, и утренняя пробежка на километр. Вот здесь то им и начинает доходить, как вредно было вчера принимать в свое пузо неограниченное количество вина, а в легкие, никотин. К завтраку большинство трезвеет. Я веду весь строй в столовую. Мы здесь особо не делим, кому отвести, кому привести. Кто на подхвате, тот и ведет строй туда, куда требуется в данный момент.

– Раз. Раз, раз, два, три! – добиваюсь от строя четкого звучания копыт по асфальту.

– С места, прямо! Шагом, марш! Выше ногу! На месте, раз, раз, раз, два, три! Прямо! Шагом. Марш! – добиваюсь того, что к столовой они приходят чуть ли не парадным шагом.

– Ай да доктор! Ай да командир! Первый раз вижу, чтобы медик мог так исправно провести строй в полтысячи человек, -произносит кто- то из старших офицеров, встречающих нас уже возле входа в столовую. Я молчу, нет у меня желания хвастаться здесь, что я тоже, когда – то шесть лет был командиром, хоть и курсантского, но взвода. И сто двадцать человек курса водил по улицам и проспектам Ленинграда сотни раз. А провести толпу сто метров по прямой, по плацу много ума и не надо.

После завтрака и перекура, мы замечаем, что некоторых резервистов снова развезло. Лыка не вяжут и на ногах не держатся.

– Что это такое? – спрашивает с трибуны руководитель сборов, начальник артиллерии двести семнадцатого полка подполковник Гуренко.

– Да, видимо, кое – кто уже успел опохмелиться, – делится своими подозрениями замполит Козыро.

– Так, все стоят в строю, капитан Смирнов, остаеьтесь здесь за старшего. А мы пройдемся по казармам.

Разбившись по два, по три человека, обходим спальные помещения и шмонаем все подряд. Изымаем десятки канистр, бутылей и прочих емкостей с вином и самогоном. Все это на глазах у изумленной толпы выливается на грунт. В воздухе стоят «изысканные» ароматы. У некоторых болгар с гагаузами на глаза наворачиваются слезы. Все, все по своим местам.

– Приступить к занятиям! – командует начальник сборов. Занятия в каждом взводе самые разные. Саперы ползают с муляжами мин по полям. То закапывают их, то извлекают. Артиллеристы и зенитчики возятся возле своих орудий. Связисты носятся по полигону со своими катушками за спинами. Мои сегодня занимаются поиском и выносом раненых с поля боя. При построении на обед, оказывается, что в строю опять половина пьяных.

– Да что это такое!?! – снова нет предела возмущению подполковника Гуренко.

– Я так думаю, что они еще имеют значки, где – то по полигону, – снова высказывает свое предположение, все здесь и давно знающий, замполит. Он уже не первый раз на таких сборах. Обед откладывается. Снова звучит команда направо, и вся кишка строем выдвигается в поля.

А там по холмам и равнинам имеется масса окопов и окопчиков, капониров и траншей со всякими загашниками. Офицеры и прапорщики ныряют в эти укрытия, и оттуда периодически снова вылетают все те же емкости разных калибров. Их содержимое тут же на глазах чуть уже не плачущей толпы, безжалостно уничтожается, выливанием на местность. Иногда попадались вина столь качественные, что мне самому было жаль смотреть на эту экзекуцию, но весь командный состав старается изо всех сил вида не подавать.

Командир партизанского отряда подполковник Гуренко предупреждает толпу, если что – либо подобное будет повторяться и впредь, то на следующие выходные домой никого отпускать не будем. В последующие дни обстановка более-менее нормализуется.

Мне в обязанности, кроме всего прочего, мое начальство вменило и контроль за качеством питания партизанского состава и, соответственно, за санитарным состоянием всех продовольственных объектов, поэтому я в столовой и на продскладе частый гость. Заправляет всем процессом харчевания ушлый прапор Палкин. Здоровенный такой жлобина. Он здесь как и все, прикомандированный, но на постоянной основе. То есть мы вот один квартал отбудем, и уедем кто куда, а он постоянный и незаменимый, хотя по штату тоже числится в одной из частей дивизии, и совсем на другой должности. За которую еще ему и платят.

Но его такой расклад в службе очень даже устраивает. Я не буду вникать в весь годовой кругооборот продуктов на этом объекте. Возьмем только вот этот наш период. То что партизаны отлучаются на два дня домой, нигде официально не фиксируется. Они числятся здесь, в том числе, и на питании. На каждого из пятисот, в день положено по десантному пайку, два куриных яйца и сорок граммов масла, килограмм хлеба, и шестьсот граммов мяса, не говоря уже о масле растительном, сахаре, крупах. перце, листе лавровом, соли и т. д. и т. п.

А посему у Палкина работа очень тяжелая. Ему некогда не то что поспать, он сам поесть толком не успевает. Неоднократно вижу, что жует Палкин или на ходу или сидя в кабине «Урала» старшим машины, потому что все «излишки» нужно своевременно изъять и как следует припрятать. А припрятав, нужно еще провести по бумагам и оприходовать.

Конечно, работает он не в одиночку, для этого существует целая продовольственная служба дивизии. Огромная, львиная доля «сэкономленного» достается начальнику тыла дивизии, за ним идет начпрод, и далее по нисходящей. Но и прапор не в обиде.

На мои намеки и замечания Палкин смотрит снисходительно. Типа, лейтенант, ты еще слишком мал и глуп, и не видал больших з...п. А если будешь въедливым и не отстанешь, то мигом их увидишь. И здесь я нисколько не сомневаюсь. Меня могут зажевать с потрохами и не подавятся, хотя бы потому, что медицинская служба по – прежнему находится в подчинении все тех же начальников тыла, на всех уровнях. Я понимаю, что в аферах замешана вся верхушка, как дивизии, так и Московская, и окружная, как довольствующий орган.

Что же, не при мне эта система складывалась. И я, действительно, еще слишком маленький, чтобы чего-то изменить. Моя нынешняя задача – не проморгать вспышку инфекционных болезней среди личного состава резервистов. А в общем то, никто из них не голодает, и вполне возможно, что даже питание намного качественнее, чем у некоторых дома.

Гвинянин.

Сiju в «партизанском» штабе. Заполняю кучу макулатуры, типа журналы занятий, расписание занятий и тому подобное. Друзья-товарищи играют в карты и периодически потягивают из стаканов Каберне. Графин на всякий случай держат под столом. Перестройку и борьбу с пьянством еще никто не отменял. Замполиты не дремлют всю неделю, кроме среды. У них в этот день выходной, вот тогда этот отряд рогносцев и отрывается. Исключительно в своем кругу, но кроме них стукачей хватает и среди, якобы, своих.

– Мужики, смотрите, к нам топает наш начальник штаба майор Гвинянин, – гугнявит в свои мохнатые усы Гусев.

– О, да он же сейчас идет к нам в разведку, сейчас буде вынюхивать, пьем мы или нет, – допивая свой очередной стакан, комментирует движение Гвинянина капитан Сергиенко, наш пвошник.

– Может, кто не в курсе, как обычно поступает этот гнус. Он присоединяется к любой выпивающей компании, выпивает пару стаканов, а затем тихонько сматывается. И бежит сразу к вышестоящему начальству. Так, мол, и так, не велите казнить. Понимаю, виноват, выпил, но они до сих пор продолжают. Ну, и компашку, соответственно, накрывают тепленькой. Он таким образом уже не одну группу наших друзей заложил.

– О, тогда я ему сейчас устрою маленькое развлечение, – потирая руки, произносит капитан Смирнов, представитель доблестной службы химической защиты войск. У него тоже здесь имеется свой взвод.

– Мужики, – говорит он, – я в этот чайник наливаю вина, и полбутылки растительного масла. С этого чайника вы не пейте. Это исключительно для угощения нашего дорогого гостя.

В этот момент, дверь уже открывалась, на пороге стоял коротышка, с гнусенькой такой рожей, майор Гвинянин, о котором ходили легенды в дивизии. Он был в рекордсмен по командованию взводом тринадцать лет, но как – то в конце концов выклянчил себе должность, помощника в мобилизационном отделе штаба дивизии. Можно только догадываться как.

– Ну, что, ребятки, работаем? – глядя на карты в руках компании, ехидненько прикололся майор.

– Пусть работают в колхозе, а мы служим, – отрезал Гусев.

– Не будете возражать, если я присоединюсь?

– Да, нет, присоединяйтесь, – подсуетился дивизионный хохмач Смирнов, пододвигая стул Гвинянину.

Раскинули карты по новой.

– Мы тут, это, если вы не против? – Смирнов предложил налить, кивнув на чайник. – Да нет, я за, -тут же согласился майор-стукач.

– Только вы уж извините, в чайнике было немножко растительного масла, плохо отмыли, поэтому вино с запахом. Но мы пьем, и вроде ничего...

– Да, ну, да ладно, подумаешь масло, ничего страшного, – согласился новый игрок.

Остальные достали свои полные стаканы из – под стола и почокавшись с майором, пригубили. Он выпил до дна. Через пару минут ему снова налили по полному. Через полчаса он свой почти полный чайник выпил. А еще через минут десять, ссылаясь на занятость, откланялся. Вся компания, следит за ним, глядя в окно.

Вот он торопливой походкой добежал до середины плаца. Потом вдруг притормозил. Стал, задумался, напряг ноги в ягодицах. Потом резко засеменил влево, в сторону перехода через трубы отопления, по направлению к общему, наружному туалету. Быстро перескочил по этому мостику, и оббежав офицерскую общагу, скрылся в туалете.

Народ прервал игру, и затаив дыхание стал ждать появления сексота. Вот он, идет, вихляя толстой задницей. Поднялся на мостик, задумался, постоял, резко развернулся и побежал обратно. Так в этот вечер он и не смог осуществить задуманное предательство. Компания, довольна потирая руки, бесконечно ржала, смакуя подробности наказания замороженного попа Гапона.

Рыбалка.

В моем взводе подобралась группа заядлых рыбаков – браконьеров. А на полигоне был свой водоем, который назывался водохранилищем, потому что на нем периодически устраивали занятия с преодолением водной преграды на боевых машинах десанта. А в нем, как и в любом приличном водоеме, соответственно, водилась и рыбка.

Прогуливаясь вечером по «набережной» вижу, что три партизана вытаскивают сеть. На их попытку прятаться, упряжжаю, что я их уже «сфотографировал», и можно расслабиться. Посмотрел улов, щуки, карпы, толстолобы, караси, совсем не плохо для разнообразия партизанского меню. Предлагаю принять меня в артель, и через пару дней привожу свою сеть, шестидесятку.

Несколько ночных рыбалок, и офицерский стол тоже стал разнообразнее, но доблестный «хозяин» полигонных угодий, зам комдива полковник Марьин, проезжая утром вдоль берега, высмотрел цепочку поплавок. Загнал своего подчиненного, майора Шевцова по грудь в уже достаточно прохладную воду. Конец сети привязали к фаркопу УАЗика и вытащили весь улов вместе с нашими сетями.

Трое суток шел допрос с пристрастием. Сети, уже без рыбы, висели на заборе полигонной команды, но резервисты, как истинные партизаны, никого не выдали. Сети были реквизированы в пользу ненасытного замкомдива. С рыбалкой пришлось завязать, зато я приобрел опыт в рыболовстве на будущее.

Гусев.

С группой офицеров лежим во время перекура в тенечке под деревьями и кустарниками. Травим разные байки. Часто так бывает, что если в группе офицеров – «курков» оказывается медик, то начинают задавать ему всякие медицинские и парамедицинские вопросы. На латыни,

слово «пара», означает- рядом. Зачастую подтрунивают, потому что многие просто не могут понять для чего мы вообще в этой военной среде существуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.